

Всего десять месяцев Столыпин был гродненским губернатором, и в 1903 г. был назначен саратовским губернатором. И опять, советская историография упрощает Столыпина. Дескать, прибыл в глубинку России, вся прежняя жизнь связана с западным краем и Петербургом. Как пишет историк П. Н. Зырянов «российскую деревню он, можно сказать, почти не знал». Наоборот, Россию к этому времени Столыпин уже хорошо знал. Например, вот как он отвечал на вопрос дочери, почему крестьяне плохо воюют в русско-японской войне, не так как в 1812 г.: «Как может мужик идти радостно в бой, защищая какую-то арендованную землю в неведомых ему краях. Грустна и тяжела война, не скрашенная жертвенным порывом».

За войной, тяжелым миром пришла и первая русская революция. Летом 1905 г. Саратовская губерния, как и ряд центральных, стала ареной мощной крестьянской войны. Историографам советского времени была чужда позиция Столыпина, который выше всего ценил гражданский мир в стране, осуждал революции и внутреннюю бойню. Поэтому, они делали акцент на том, что Столыпин на сельских сходах грозил Сибирью, каторгой, казаками. Но они забывали, что такие выступления были для Столыпина небезопасны, но он шел напролом и разнообразными мерами, вплоть до самых жесточайших, добивался умиротворения губернии. Обеспечил гражданский мир первым в России. И в этом тоже величие Столыпина. Окажись он в феврале 1917 г., уж Столыпин бы знал, как усмирить тех, кто вверг страну в раздраз, растаскивал великую державу, опустошал духовный родник державы. Горе тому политику, кто в трудные дни для страны малодушничает, боится «вымазаться в грязь» или «окропиться кровью» противостояния. Столыпин не был и не хотел быть таким политиком. Он понимал, что во имя блага Родины и народа вразумлять толпы обманутых, ведомых уголовниками и бандитами потребно и нужно, и «столыпинские галстуки» тут как раз к месту, потому как тысячи преступивших закон государства, подвергнутых военно-полевым судам — тяжелая, но вынужденная и неизбежная жертва. У полководца два пути — или вразумить и дисциплинировать армию, покарвав каждого десятого, а то и каждого пятого, или обратить героев в бандитов, породить хаос, а самому висеть на рее. В России, тогда в 1905 — 1906 гг. никто лучше Столыпина это не понимал.

6 августа 1905 г. товарищ министра внутренних дел Д. Ф. Трепов докладывал царю: «...В Саратовской губернии благодаря энергии, полной распорядительности и весьма умелым действиям губернатора, камергера двора Вашего Императорского Величества Столыпина порядок восстановлен». Эх, если бы так было по всей России, то не было бы октября 1905 г., ошибочного, предложенного Витте, царского Манифеста, абсурдной, чуждой для России Думы, а была бы вразумительная ясная социально-экономическая политика, было бы новое местное управление и Россия была бы той, о которой писали в 1905 — 1908 гг. европейские экономисты, как о самой великой державе мира к середине XX века.

Саратовский губернатор зазвучал на всю Россию. При дворе его стали все чаще рекомендовать царю как наиболее приемлемую кандидатуру на должность министра внутренних дел. Решающую роль сыграл Д. Ф. Трепов, который в 1906 г. стал дворцовым комендантом и получил возможность в обход проамериканской еврейской группировки и прогерманской камарильи влиять на царя. Трепов хитро «обесценил» кандидатуры навязываемых Витте и Горемыкина. Царь получил в лице Столыпина сначала министра внутренних дел, а затем и председателя Совета министров, при том сохранившего пост главы МВД, который практически во всем отличался в положительную сторону от других министров, и, что самое главное, он не боялся интеллектуальной борьбы с Думой, умел ее вести, оказывался часто победителем. То, что царь делать не любил, а попросту не мог, стал исполнять Столыпин. Он заставил Думу умолкнуть, прекратить «крик, гвалт и обструкцию» правительству, начал с